

АНАСТАСИЯ  
Угля

Спецоперация

«ЖЕНИХ»

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Анастасия Угля

## Спецоперация "Жених"

<https://litres.ru/74396183>

SelfPub; 2026

### Аннотация

Меня зовут Настя, и мой папа решил выдать меня замуж по бизнес-плану. Жених уже есть, дата помолвки назначена, а моего мнения никто не спросил.

Единственный выход — найти фиктивного парня до отпуска в Сочи. И тут моя подруга Ирка подкидывает «гениальный» план: её старший брат, спецназовец с убийственным взглядом, как раз едет на море.

Осталось малость: познакомиться и объявить его своим женихом. Прямо перед родителями. И перед тем самым «реальным» женихом.

Вот только я не учла одну деталь.

Матвей Светлов — не просто «исполнитель роли». Он — самая опасная авантюра в моей жизни. И теперь я влюбляюсь в своего фиктивного жениха.

Добро пожаловать в мою историю. Здесь будет жарко, смешно, и никто не уйдет без счастливого финала.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Анастасия Воронцова      | 4  |
| Глава 2 Матвей Светлов            | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 29 |

# **Анастасия Угля**

## **Спецоперация "Жених"**

### **Глава 1. Анастасия Воронцова**

Вылетаю из дома — пулей, будто за мной не просто хвост, а вся Третьяковка с утра пораньше, и галерея настроена решительно. Полночи я вела рукопашный бой с билетами по истории архитектуры: вгрызалась в купола Растрелли, распутывала колоннады Казакова, пока перед глазами не поплыли барочные завитушки. И, разумеется, ровно тогда, когда мозг решил, что миссия выполнена, организм предательски объявил забастовку и отрубился намертво.

Просыпаюсь — и сердце с грохотом падает в пятки. До экзамена полчаса. До универа — двадцать пять минут, и то если мчать олимпийской чемпионкой по паркуру, перемахивая через люки и бабушек. Успею? Должна. Потому что если нет — Игнат Савельевич, этот бородатый сфинкс с лазерным взглядом, превратит мою сессию в персональный филиал ада с колоннадой боли.

Вылетаю на остановку — и застываю в немой сцене. Мой родной, мой единственный, мой великолепный автобус гордо и неспешно отчаливает в рассвет, оставляя меня с открытым ртом и зарождающимся нервным тиком. Класс. Шикар-

но. Прямо опера «Цена одной проспавшей минуты» в одном действии.

Хватаю телефон — пальцы дрожат так, что попасть по иконке такси удаётся с третьей попытки. На метро я не успеваю даже теоретически, даже если б умела телепортироваться. Смотрю на цифры — и дар речи покидает меня окончательно. Семьсот рублей. За пятнадцать минут. Господи, Воронцова, а ты чего хотела? Москва, утро, час пик — люди в пробках готовы продать почку за намёк на свободную полосу. Ладно, красота требует жертв, а пунктуальность — кредитки. Вздыхаю, зажмуриваюсь и с чувством глубокого драматизма нажимаю «Заказать».

Влетаю в универ за пять минут до начала — и не иду, а лечу по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, точно горный сайгак, за которым гонится смерть с зачёткой. Третий этаж покоряется мне за считанные секунды. У аудитории — бледное собрание одноклассников с бегающими глазами и трясущимися конспектами. Я торможу, хватаю ртом спёртый воздух и понимаю: успела.

Ровно через три минуты появляется он. Игнат Савельевич собственной персоной. Высокий, строгий, с таким взглядом, от которого у иконы свечи гаснут, а у студентов — воля к жизни. Медленно обводит нас сканирующим взглядом — и по спине пробегает ледяной сквозняк категории «сегодня пощады не будет». Молча, без единого слова, открывает дверь и зачитывает пять фамилий. Моя — первая.

Заходим в аудиторию плечом к плечу, как приговорённые к расстрелу. По команде рассаживаемся по углам. Я сажусь, сжимаю ручку так, что костяшки белеют, и запускаю внутренний диалог: «Ты учила. Ты ночь не спала. Ты знаешь, где у Растрелли купол, а где у Баженова колоннада. Ты справишься».

Игнат Савельевич торжественно, словно жрец, раскладывает на столе билеты. Все семьдесят. Те самые, которые я вчера терзала с утра до ночи. Он разложил их веером, как колоду карт Таро, и застыл у первого стола. Голос — стальной, без нотки человеческого тепла:

— Правила простые. Шёпот — пересдача. Шпаргалка — пересдача. Мобильные на стол, потом берёте билет и готовитесь молча.

Спокойно, Настя. Только спокойно. Смотрю, как ребята по одному подходят, тянут бумажки и вслух читают вопросы. С каждым шагом очереди к столу в груди становится теснее, воздух будто сворачивается в тугой узел.

Остаюсь последней. Поднимаюсь — ноги ватные, непослушные — иду к столу. Билеты лежат ровными рядами, и я, как дура последняя, выбираю тот, который... просто приглянулся. Тяну дрожащими пальцами.

— Билет номер тридцать пять. Вопросы: архитектура первой четверти XVIII века, русский классицизм и композиция городской усадьбы.

— Готовьтесь, Воронцова. — В голосе ни капли эмоций,

словно робот зачитал приговор.

Я сдаю телефон, отхожу к своему столу и смотрю на девственно-чистый лист. В голове — хаос, обрывки дат, фамилий, стилей, всё перемешалось в дикую кашу. Но я собираю себя в кулак, делаю глубокий вдох и начинаю строчить. Рука летает, мысли выплёскиваются на бумагу бурным потоком, я выжимаю из памяти всё до последней капли. Даже то, что не учила — а оно, оказывается, там было, притаилось в тёмной подкорке и ждало своего звёздного часа.

Через час ставлю последнюю точку. Всё. Дополнить нечем. Я выжата как лимон, голова гудит, пальцы сводит судорогой. Встаю, иду к преподавателю на негнущихся ногах, сажусь напротив. Он берёт мой лист, пробегает глазами — быстро, цепко — и поднимает на меня свой знаменитый взгляд.

— Я слушаю вас, Воронцова.

Вдох. И я начинаю. Сначала робко, голос подрагивает, но потом — увереннее, громче. Слова летят сами: про петровские реформы, про Ухтомского и Казакова, про усадебные ансамбли. Минут двадцать я говорю без остановки, не замечая времени. И вдруг — его рука взлетает в воздух. Жест «хватит».

Я замолкаю. Тишина такая густая, что слышно, как где-то на задней парте скрипят чужие нервы. Кровь шумит в ушах, сердце готово выпрыгнуть сквозь рёбра и ускакать в коридор.

— Отлично, Воронцова.

— Ч-что? — переспрашиваю я севшим голосом, чувствуя, как внутри всё обрывается и снова встаёт на место, но уже по-другому.

— Говорю, зачётку давайте. Отлично. — Он даже почти улыбнулся.

Почти. Уголок рта дрогнул на долю миллиметра — и я готова поклясться, что это было оно.

Трясущимися пальцами протягиваю ему зачётную книжку, он выводит оценку чётким, каллиграфическим почерком, и я наконец позволяю себе выдохнуть — так глубоко, будто до этого не дышала целую вечность. Господи. Можно дышать. Можно жить. Можно идти домой, рухнуть в кровать и спать трое суток без перерыва на еду.

А у выхода меня уже караулят одноклассники — глаза круглые, как купола церквей.

— Ну что?! — выдыхают хором.

Я улыбаюсь — широко, счастливо, почти безумно — и показываю пальцами знак «окей». Кажется, я только что сдала не просто экзамен. Я выжила в битве с Игнатом Савельевичем. И знаете? Это победа со вкусом классицизма, с ароматом старой бумаги и лёгким привкусом летнего счастья.

Выхожу из универа — и понимаю, что Москва решила устроить мне персональный филиал Сахары. Воздух стоит плотный, липкий, тридцать градусов в тени, асфальт плавится и, кажется, тихо мурлычет от жары. Я снимаю лёгкую вет-



ровку, повязываю её на пояс — и тут же капелька пота предательски скользит по спине, намекая, что душ мне необходим уже прямо сейчас.

Достаю телефон и набираю Ирку. Мы с ней познакомились на первом курсе: она учится на дизайнера в соседнем корпусе, но спелись мы с первой же перемены, и с тех пор — не разлей вода. В моей группе, кроме меня, ещё две девочки, и обе вечно растворяются в личной жизни, так что Ирка — мой спасательный круг, генератор безумных идей и главный свидетель моих академических драм.

Слушаю гудки. Длинные. Нудные. Эта зараза, как назло, редко берёт трубку с первого раза — вечно или рисует в наушниках, или священнодействует в ванной с маской на лице. Уже собираюсь сбросить — и вдруг в трубке взрывается её бодрый голос:

— Бонжур, детка! — хохочет с нарочитым французским прононсом, от которого у меня всегда сама собой растягивается улыбка.

— Хай, малышка! — подхватываю я. — Ты где? Дышишь? Не превратилась в лужицу?

— Дома, тусуюсь с родаками. У маман сегодня же день рождения! — Ирка понижает голос до заговорщицкого шёпота. — Тут стол ломится, они готовят что-то грандиозное, а я путаюсь под ногами и жду удачного момента, чтобы тихо стащить кусочек торта. Операция «Кремовая радость», понял-принял.

Я мысленно даю себе смачный подзатыльник. Ну как можно было забыть?! Татьяна Вячеславовна, её мама — женщина с теплыми глазами и волшебными пирогами, всегда встречает меня как родную. Срочно исправляюсь:

— Передавай мои самые тёплые и восхищённые поздравления! И слушай сюда: я сдала. Предпоследний экзамен. Понимаешь? Дышу, живу, почти свободна! Последний завтра, но я его вечером накатаю как орешки. Давай сегодня выберемся куда-нибудь — надо же отметить моё воскрешение из академического ада!

— О, я только за! — в голосе Ирки вспыхивает азартный огонёк. — Предлагаю рвануть на веранду с видом на город, пить что-нибудь ледяное и делать вид, что мы светские львицы... или — драматическая пауза! — завалиться в караоке и устроить там концерт по заявкам. Я уже слышу, как мы исполняем «Мурку» на бис, а публика рыдает от восторга!

Я смеюсь в голос, прикрывая трубку ладонью от прохожих.

— Договорились! Вечером созвонимся и решим по обстановке. Я наберу, как выползу из душа и снова превращусь в человека.

— Чао, крошка! — Ирка звонко чмокает в трубку и исчезает.

Я убираю телефон в карман, шурюсь на белое, добела раскалённое небо и впервые за долгое время позволяю себе выдохнуть — легко, свободно, полной грудью. Экзамен сдан,

солнце печёт, а впереди — летний вечер, лучшая подруга и заслуженный, выстраданный кусочек счастья.

Через час я, выжатая, но счастливая, заваливаюсь в квартиру. Свою. Маленькую, уютную, с обоями в цветочек и вечно скрипящей дверью в ванную. Снимаю. Вернее, снимают мне её родители — так было проще, спокойнее и не требовало от меня подвигов выживания. Мой отец, Сергей Игоревич Воронцов, владелец крупной строительной компании. Правда, вся эта красота базируется в Сочи, хоть стройки у них по всей России. Мама — Анна Андреевна Воронцова — хозяйка сети салонов красоты с гордым названием Vorontsova Luxe. Тоже в Сочи. Родители у меня, в общем-то, классные, души во мне не чают, но в Москву отпустили меня с боем, с драмой, с заламыванием рук и бесконечными «ты хоть ешь там нормально?». Отец долго упирался — хотел, чтобы дочь была под боком, в тепле и под контролем. Но моя тётя, моя прекрасная, неукротимая тётя, встала грудью и отстояла моё право на отдельную жизнь. Спасибо ей за это до небес. Люблю её дико. Она вообще потрясающая, а главное — свободная, как ветер над морем. Дизайнер, настоящий художник, колесит со своими проектами по всему миру, сегодня в Милане, завтра в Стамбуле, послезавтра где-нибудь в Барселоне. У неё есть сын, мой двоюродный брат Лёшка, но он давно взрослый, работает у папы в фирме, обзавёлся семьёй и бородой. Так что тётя — птичка абсолютно свободного полёта. И я до дрожи хочу быть похожей на неё. Жить

ярко, громко, с разбегу, ни под кого не прогибаясь.

Захожу на кухню, швыряю сумку на стул и начинаю священнодействовать с пакетом из магазина. Раскладываю продукты по полкам холодильника: йогурты — туда, сыр — сюда, помидоры черри отправляются в ящик для овощей. Фрукты в вазу, хлеб в хлебницу. Пакет, разумеется, аккуратно сворачиваю в треугольник и убираю в заветный пакет с пакетами.

И тут — из комнаты раздаётся трель моего телефона. Я срываюсь с места, бегу, чуть не сшибая косяк, хватаю трубку — видео-звонок от мамы. Отвечаю тут же, ещё на бегу.

— Привет, мамулик! — выдыхаю в камеру, стараясь не показывать, что сердце до сих пор скачет после бега.

— Привет, солнышко! — мама сияет с экрана. — Ну как, сдала?

— Конечно, на отлично, — говорю я гордо и даже плечи чуть расправляю, как павлин.

— Молодец, дочь! — в кадр вклинивается папа, его лицо возникает из-за маминого плеча, и я немедленно расплываюсь в улыбке. Обожаю их. Правда.

— Спасибо, папуль!

И тут что-то меняется. Воздух в трубке будто электризуется. Отец делает серьёзное лицо — то самое, которым он обычно начинает разговоры про «нам надо обсудить».

— Так, дочь, у меня есть для тебя новость.

— Что за новость? — спрашиваю я, всё ещё улыбаясь,

хотя внутри уже начинает звенеть какой-то тревожный, едва уловимый колокольчик.

— Только давай без этого... сразу в штыки не воспринимай, ладно?

И вот после этих слов мне становится по-настоящему не по себе. Сердце делает кульбит и замирает где-то в районе желудка.

— Дочь, тебе уже двадцать один. Осталось доучиться всего два курса — пора задуматься о будущем. Серьёзно. Ты выбрала архитектурный, и я решил, что ты хочешь продолжить моё дело. А нам, сама понимаешь, нужно укреплять позиции, расширяться, думать на перспективу. В общем... я нашёл тебе жениха.

Тишина. У меня в голове — белый шум.

— Зовут его Артём. Он сын моего партнёра. Хороший парень, надёжный, из правильной семьи. Когда приедешь домой, я вас обязательно познакомлю. Уверен, он тебе понравится. В конце лета организуем помолвку, всё красиво, с размахом. А на пятый курс, я думаю, ты сможешь перевестись на заочку — и спокойно доучиваться уже здесь. Через годик сыграете свадьбу и начнёшь потихоньку вливаться в рабочий процесс. Всё продумано, дочь.

Я не дышу. Вообще. Лёгкие сжались в комок. Это точно мой папа? Где мой папа? Кто этот чужой человек в экране, который только что спокойно, буднично, будто меню в ресторане, расписал мою жизнь на пять лет вперёд? Какой,

к чёрту, жених?! Какая, к чёртовой матери, заочка?! Какая свадьба, какая семья?! У меня в голове сейчас совершенно другие планы, мечты, эскизы, я только начала чувствовать вкус свободы!

— Пап... ты серьёзно? — мой голос сиплый, надтреснутый, будто я только что пробежала десять километров.

— Дочь, ну ведь папа прав, — мягко, вкрадчиво вступает мама, и от этого становится ещё больнее, потому что я ждала поддержки хотя бы от неё. — Тебе уже пора думать о будущем. Это нормально. Мы тоже так когда-то...

— Мама! — перебиваю я резко, и мой голос звенит от обиды и возмущения. — Я в шоке. Вы вообще... вы хотя бы попробовали уточнить, есть ли у меня кто-то? Вы спросили? Нет? А я, представьте себе, уже год встречаюсь с парнем! Более того — я хотела сделать вам сюрприз. Приехать и познакомить вас с ним. Он ради этого отпуск специально взял! Понимаете? А вы... вы просто взяли и решили за меня всё в этой жизни!

Парня у меня, конечно, нет. Никакого. Но это сейчас неважно. Важно то, что я не позволю — никогда не позволю — решать за меня, кого любить, с кем жить и где учиться. Это моя жизнь. Моя, чёрт возьми! И выходить замуж за нелюбимого, даже если его зовут Артём и он «хороший парень из правильной семьи», я не собираюсь. Я хочу по любви. По настоящей. Чтобы дрожь в коленях и сердце в пятки. А не по бизнес-плану.

Смотрю в экран — и вижу, как у мамы округляются глаза, а папины челюсти сжимаются так, что желваки проступают сквозь кожу.

— Ты почему раньше ничего не сказала? — ахает мама.

— И кто этот парень, а? — цедит папа, и в его голосе прорезается сталь. — И вообще, Анастасия, я тебя содержу. Полностью. Квартира, еда, учёба — всё на мои деньги. И я могу... я могу перекрыть этот финансовый поток в любой момент, если ты будешь вести себя неразумно!

Охренеть. Честное слово, просто охренеть. Я не ожидала от отца такого. Никогда — за всю жизнь — он не говорил со мной языком шантажа. Обидно до жгучих, обжигающих слёз, которые уже начинают подступать к горлу комом.

Ну что ж. Кажется, я только что поняла главное: пора учиться полной, абсолютной самостоятельности. Финансовой и любой другой.

— Познакомлю, когда приедем! — огрызаюсь я, сверкая глазами в камеру. — Перестанешь давать денег? Хорошо, пап. Я услышала. Принято к сведению. А теперь извини — мне нужно готовиться к экзамену. Пока!

И я сбрасываю звонок — резко, не давая им времени на ответ. Экран гаснет. В комнате — тишина. Только сердце колотится где-то в горле, и дрожащие пальцы судорожно сжимают телефон.

## Глава 2 Матвей Светлов

Сегодняшний день — просто конфетка. Честное слово. Последний рабочий день перед отпуском — от одной этой мысли хочется улыбаться как ребёнок, которому пообещали целый день мороженого. В нормальном, полноценном отпуске я не был года три — так, пара дней передышки не в счёт. Душа требует свободы, а тело — лежака где-нибудь у моря.

Ну а пока — служба. Захожу на базу, привычно киваю дежурному. Внутри всё уже гудит в предвкушении, но лицо держу серьёзным — субординация, мать её. Поднимаюсь на второй этаж, в раздевалку, иду по коридору и ещё издали слышу знакомый галдёж. Мужики гремят голосами так, что штукатурка, кажется, осыпается. Ну как обычно — кто-то спорит о футболе, кто-то ржёт над вчерашней историей, кто-то просто шумит для фона.

Я делаю лицо кирпичом, хватаюсь за ручку двери и — резко, одним рывком — распахиваю её настежь. И застываю в проёме, изображая немую сцену «явился ревизор».

Эффект — бесценный. Мужики вытягиваются по струнке с такой скоростью, что слышно, как у кого-то хрустнули позвонки. Прямо балет. Ансамбль имени Александрова отдышает. Я держу паузу ровно секунду — а потом начинаю ржать. В голос. До слёз. Потому что видеть, как десять здоровенных лбов изображают статуи по команде «смирно», —



это лучшее, что случилось со мной за неделю. Они, наконец, фокусируют взгляд, понимают, что перед ними никакой не генерал, а я, и выдыхают — шумно, с матами, с облегчением.

— Квант, твою ж налево! — рычит мой друг Антон Саушкин с позывным Гром и запускает в меня полотенцем. В глазах у него — смесь обещанной мести и облегчения.

— Мужики, да вы спасибо мне скажите! — отбиваюсь я сквозь хохот. — Готовлю вас к прибытию генерала! Тренирую реакцию! Бесплатно, между прочим!

— Да иди ты... куда подальше, — Никитос Зверев с позывным Зверь швыряет в меня скомканной футболкой, целясь точно в голову, но я ловко уворачиваюсь. Проммах. Бывало и лучше, Зверев.

Я с размаху заваливаюсь на лавку, чувствуя спиной прохладное дерево. Скидываю кроссовки — один летит в угол, второй почти попадает в корзину, но не судьба. Пара движений — и я уже в форме. Она сидит как влитая, пахнет чем-то казённым и привычным. Две минуты — и я собран, застёгнут на все пуговицы и готов к труду и обороне.

— Погнали, орлы, — киваю мужикам.

Мы вываливаемся из раздевалки единой шумной гурьбой и топаем в класс тактической подготовки. Коридоры гулко разносят наши шаги. Планёрка — дело святое, пропускать нельзя. Заваливаемся в класс, рассаживаемся по местам — кто-то с блокнотом, кто-то с кружкой кофе, кто-то с видом «я тут случайно». Начинаем. Последний рабочий день — он

как финишная прямая: надо дотерпеть, а там уже свобода, море и долгожданное ничегонеделание.

После планёрки, где наш командир и по совместительству мой лучший дружбан с позывным Сокол отымел нас во всех мыслимых и немыслимых позах — с расстановкой, с чувством, с толком, — мы вываливаемся в коридор с красными ушами и лёгким звоном в голове. Сокол, конечно, тот ещё садист, но надо отдать ему должное: до этого его самого отымели наверху примерно в таких же позах, так что теперь он просто транслирует нам полученный опыт по цепочке.

— Ну что, красавчики, в комнату с амундией, — командует Сокол уже нормальным голосом. — Проверяем всё, чтобы вечером не облажаться. И оружие почистить. Чтобы блестело, как у кота яйца.

Топаем всей гурьбой, грохоча берцами по бетонному полу. Комната с амундией встречает нас запахом металла и оружейной смазки — запахом, который я люблю почти так же сильно, как запах моря. Почти. Рассредотачиваемся по скамейкам. Я беру свою винтовку, привычно разбираю, и пальцы делают всё сами — сказываются годы тренировок. Чищу, смазываю, собираю обратно. Рядом Антон Савушкин возится со своим автоматом и тихо матерится — у него вечно что-то заедает. Никитос привычно подкалывает его, и воздух наполняется добрым армейским трёпом.

День вообще проходит на удивление спокойно, даже по-дозрительно. Я уже мысленно не здесь. Ещё два часа — и

я выйду с базы, вдохну свободу полной грудью. План такой: сегодня — день рождения матушки, завтра — сборы, а послезавтра я сяду за руль своей ласточки, врублю музыку погромче и отчалию прямиком на море, в Сочи. Пляж, море, солнце, и, само собой, девочки. Ну да, девочки. А что, я всё-таки мужик, у меня есть свои, скажем так, потребности. И трахаю я исключительно то, что согласно на один раз и безо всякого мозгоёбства. А если нет — то пусть проходит мимо, даже не задерживаясь. У меня уже были отношения — серьёзные, с кольцами, планами и прочей хернёй. Спасибо, наелся. Хватило с лихвой. Больше в это дерьмо я не полезу, ни ногой.

Смотрю на часы. Отлично. Остался ещё час. Всего час — и я свободен как ветер. Я уже чувствую запах моря, слышу шум прибоя и почти ощущаю вкус ледяного пива на веранде.

И тут — мать его! — случается то, что случается всегда, когда ты в полном предвкушении и уже одной ногой за воротами.

Сирена. Тревога. Сокол врывается в комнату отдыха с лицом, не предвещающим ничего хорошего.

— У нас выезд. Сходка наркоторговцев в загородном доме. Берём всех. Полная экипировка, работаем жёстко. Информация только что пришла — их там человек пятнадцать, возможно, вооружены.

И вот мы уже в полной амуниции — броники, каски, оружие, — грузимся в тачку. Захлопываются двери, взрывает-

ся сирена, и машина срывается с места. Город мелькает за окнами, превращаясь сначала в пригороды, а потом в густой лес. Я проверяю оружие ещё раз — привычка, доведённая до автоматизма. Рядом Гром мрачно крутит в руках автомат, Никитос сидит с закрытыми глазами, но я знаю, что он не спит — он всегда так настраивается перед выходом.

— Слушай задачу, — голос Сокола перекрывает шум мотора. — Двухэтажный дом, огороженный забором. Работаем двумя группами: первая заходит через главный вход, вторая — с тыла. Квант, ты со мной, идёшь первым. Гром, прикрываешь. Остальные — рассредоточиться по периметру. Никто не уходит, ясно?

Машина замедляется. Мы в глухом лесу, в паре километров от цели. Дальше — пешком, тихо, без лишнего шума. Выгружаемся, рассыпаемся цепью. Под ногами хрустит хвоя, где-то вдалеке воет собака. Я иду первым, вглядываясь в темноту. Сердце бьётся ровно, но в крови уже разливается знакомый адреналин. Работа. Привычная. Опасная. Та, которую я делаю лучше всего.

Дом показывается из-за деревьев. В окнах горит свет, слышны голоса — громкие, пьяные. Вечеринка у них тут, мать его. Сходка, бля. Мы занимаем позиции. Я ловлю взгляд Сокола — короткий кивок, и понеслась.

— Пошли.

Адреналин взрывается в крови, и мир вокруг сужается до прицела, до фигур в окнах, до каждого шороха. Я делаю шаг

вперёд, вжимая приклад в плечо. Всё, пацаны, финита ля комедия. Ваша сходка только что превратилась в наш рабочий момент.

И пусть только попробуют испортить мне отпуск. Клянусь, лично каждому добавлю по сроку — уже от себя, сверхурочно.

Дом вырастает из темноты, как гнилой зуб. Двухэтажный, облупленный, с мутными окнами, сквозь которые пробивается жёлтый свет. Слышны голоса — громкие, пьяные, кто-то орёт песню, кто-то ржёт, звенит посуда. Вечеринка у них тут, мать её. Прямо корпоратив.

— Красавчики, работаем чисто, — голос Сокола в наушнике, спокойный, почти ласковый. Таким голосом обычно говорят перед тем, как кому-то станет очень больно. — Квант, Гром — главный вход. Зверь, твоя группа — тыл. Остальные — периметр. Если кто-то попытается уйти через окно — встречайте, но живыми. По возможности.

— Принял, — коротко отвечаю я. Переглядываюсь с Громом. Он поправляет каску и подмигивает мне. В его глазах — тот самый огонёк азарта, знакомый каждому, кто ходил с ним в дело. Антоха, конечно, псих, но псих надёжный.

Мы двигаемся к дому бесшумно, тенями. Привычка старая, въевшаяся в подкорку: шаг — замираем — слушаем — снова шаг. Под ногами хрустит гравий, но звук тонет в гвалте из дома. Идиоты. Они даже не подозревают, что через минуту их весёлая жизнь сделает крутой поворот.

У крыльца я замираю. Дверь деревянная, старая, краска облупилась. Слышу, как внутри кто-то орёт: «Наливай, не ссы!» — и компания взрывается хохотом. Ну-ну, сейчас я вам налью. По самое горлышко.

— На счёт три, — шепчет Сокол в наушник. — Раз... два...

Я срываюсь с места раньше, чем он говорит «три». Плечом в дверь, с ноги, со всей дури. Дерево трещит, замок вылетает с мясом, и я влетаю в комнату, как дьявол из табакерки.

— ЛИЦОМ В ПОЛ! РАБОТАЕТ СПЕЦНАЗ!

Эффект — как граната в курятнике. Кто-то падает сразу, роняя бутылку. Кто-то застывает соляным столбом, раскрыв рот и вытаращив глаза. Кто-то, наоборот, дёргается в сторону — и тут же получает прикладом от Савушкина, который заходит следом за мной. Антоха не церемонится: удар точный, выверенный — и тело мешком оседает на пол.

— Лежим, суки! Лежим, я сказал!

Я прочёсываю комнату стволом. Стол завален бутылками, закуской и какими-то бумагами — видимо, то, за чем они здесь собрались. В углу — мужик в дорогом костюме, явно главный, пытается нашарить что-то под столом. Я в два шага оказываюсь рядом и придавливаю его руку ботинком.

— Я бы на твоём месте этого не делал, — говорю я почти ласково. — Правда. Очень не советую.

Он замирает, поднимает на меня глаза — и я вижу в них страх пополам с ненавистью. Знакомый коктейль. Я наклоняюсь и вытаскиваю из-под стола пистолет — старый ПМ,

но в рабочем состоянии. Вот же крыса.

— Сокол, у клиента ствол, — докладываю я.

— Понял. Вяжите. Всех.

В комнату вваливаются остальные. Зверев со своей группой уже зачистил второй этаж — слышно, как они гремят ботинками и кого-то матерят. Периметр под контролем. Сходка накрылась медным тазом, и клиенты это уже поняли — некоторые лежат молча, смирившись, а некоторые ещё трепыхаются, как рыба на льду.

Я оглядываю помещение. Человек десять, может, двенадцать. Морды кирпичом, руки в наколках, у некоторых за поясом ножи — но стволов больше нет. Значит, основное оружие где-то спрятано. Найдём.

— Гром, этих вяжи. Зверь, осмотри подвал. Квант — со мной, — командует Сокол и кивает в сторону дальней комнаты.

Мы идём туда, и я уже чую, что там что-то есть. Слишком тихо. Слишком темно. Я захожу первым, луч фонаря режет темноту — и в углу вижу то, что заставляет меня присвистнуть. Сейф. Большой, металлический, старый, но явно рабочий. А рядом с ним — несколько ящиков. Я приподнимаю крышку одного — и улыбаюсь. Бинго.

— Сокол, тут товар. Много товара.

Он заходит следом, осматривает, и я вижу, как его губы сжимаются в тонкую линию. Значит, отработали не зря. Значит, утром начальство будет нами довольно.

Через полчаса всё кончено. Клиенты упакованы, дом зачищен, товар описан и подготовлен к вывозу. Сокол разговаривает по рации с базой, докладывает. А я выхожу на крыльцо, снимаю каску, закуриваю и смотрю на звёздное небо над лесом. Тишина. Только где-то в доме ещё матерятся мужики, затаскивая последних задержанных в машину.

Ну что ж. Смена, конечно, получилась беспокойной, но зато какой! С почином нас, бля. И главное — я успеваю. До конца смены ещё двадцать минут. Двадцать минут — и я, наконец, с чистой совестью и слегка испачканными руками свалю с базы. А там — к матушке, а там — к морю.

Я выдыхаю дым в тёмное небо и улыбаюсь. Всё-таки жизнь — странная штука. Сейчас я стою здесь, с автоматом, в бронежилете, только что скрутил банду отморожков. А через два дня буду валяться на пляже в Сочи с бутылочкой холодного пива и наблюдать за девочками в бикини. И пусть только кто-то попробует испортить мне этот контраст. Лично башку откручу.

— Квант, закругляемся! — орёт из дома Сокол. — Хватит мечтать о девочках, помощи грузить!

— Иду, командир, иду! — я отбрасываю окурочек, затапываю его берцем и иду обратно в дом. Девочки подождут. Работа — прежде всего.

А через два дня — море. И вот тогда уж точно всё будет идеально.

Подъезжаю к родительскому дому, и ещё с улицы слышно



— гуляют. Из двора доносится музыка, чей-то раскатистый смех, звон бокалов и обрывки тостов. Значит, вечеринка в честь маминого юбилея в самом разгаре, и, судя по звукам, градус там уже поднялся выше крыши. Я глушу мотор, выхожу из машины и пару секунд просто стою, вдыхая тёплый вечерний воздух. Пахнет шашлыком, летом и детством.

Открываю калитку — и первое, что вижу во дворе, это не гостей и не накрытый стол, а мелкую. Мою сестру. Сидит при полном параде на качелях с таким лицом, будто её сюда сослали пожизненно и без права на амнистию. Платье красивое, волосы уложены явно постаралась, но выражение лица такое, словно она тут отбывает наказание за особо тяжкое преступление. В ушах наушники, пальцы летают по экрану телефона — что-то гневно печатает, судя по тому, с какой скоростью и силой она лупит по клавишам.

Моя сестра — особа со взрывным характером. Вулкан, упакованный в красивую обёртку. Может мило улыбаться, а через секунду испепелить взглядом так, что мало не покажется. Но я её обожаю. Жутко. Хотя и не признаюсь ей в этом лишний раз — нечего расслабляться.

— Ириска! — подхожу к ней сзади и резко вытаскиваю наушник из уха.

Она вздрагивает, поднимает на меня взгляд — сначала недовольный, готовый испепелить наглеца, посмевшего прервать её цифровую битву. Но уже через долю секунды узнаёт, и её лицо расцветает широкой, почти до ушей, улыбкой.

Та самая, сестринская, от которой у меня внутри всегда теплеет.

— Брательник! — она аж подпрыгивает на качелях. — Ну наконец-то! Как же я тебя ждала! Просто спаситель ты мой!

Я не успеваю ответить, а она уже вскакивает с качелей, хватая свою сумочку и разворачивается в сторону гаража с целеустремлённостью ракеты, нацелившейся на цель.

— Значит так, — тараторит она на ходу, активно жестикулируя, — пост сдал, ты его принимаешь и топаешь веселиться с предками! Там уже всё готово: дядя Боря опять поёт, мама сияет, папа рассказывает анекдоты столетней выдержки, гости в восторге. Ты вписываешься идеально, а я — укатила!

Она уже почти у гаража, но я делаю шаг и успеваю поймать её за руку. Мягко, но крепко.

— Стоять. — Я приподнимаю бровь и заглядываю ей в глаза тем самым взглядом, которым с детства умею её тормозить. — А ты куда это собралась, а? Мать тебя полдня наряжала, вообще-то. У неё юбилей. Пятьдесят пять, между прочим.

Ириска замирает на секунду, но тут же вскидывает подбородок — боевая стойка номер пять, я этот взгляд знаю с её трёх лет.

— А я, дорогой братик, укатила в город. К подруге. В караоке, — произносит она с королевской невозмутимостью, поправляя волосы. — Меня ждут. Люди. И микрофон. Я обещала. Ты же знаешь — я слово держу.

Она смотрит на меня своими огромными глазами и добавляет уже тише, заговорщицки:

— Братец, ну пожалуйста. Прикрой меня перед родаками. Ты же меня любишь, я знаю.

Вот же мелкая манипуляторша. Вся в мать. И ведь работает — я чувствую, как внутри меня медленно, но верно ломается система обороны.

— Ириска, — начинаю я строго, но она уже видит мою слабость и расплывается в победной улыбке.

— Всё, братик, ты лучший, я знала, что ты поймёшь! — она чмокает меня в щёку, вырывается из захвата и почти бегом устремляется к гаражу. — Я недолго! Честное слово! Ну, относительно недолго! Ты там это, маме привет, и папе, и тёте Зине! Всё, люблю, целую, пока!

И через секунду она уже скрывается за углом, только каблучки простучали по дорожке. Я стою посреди двора, качая головой и невольно улыбаюсь. Ну Ириска. Ну даёт. Ладно, пусть катится в своё караоке. А у меня теперь ответственная миссия — изображать примерного сына, веселиться с гостями и слушать дяди Борины песни.

Я поправляю воротник, делаю глубокий вдох и направляюсь к столу, где уже замечаю маму — она сияет, как именинница и должна сиять, — и папу с бокалом в руке.

— О, а вот и сын! — раздаётся радостный голос мамы. — Ну наконец-то! А где Иришка?

— Иришка... — я делаю паузу и широко улыбаюсь, —

обещала скоро вернуться. Очень скоро. Почти уже выезжает. Наверное.

Ладно, сестрёнка. Беги, пой, веселись. Я прикрою. В конце концов, кто ещё, если не старший брат.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.